

Игорь РОСОХОВАТСКИЙ

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ...

Научно-фантастический рассказ

I

С острым любопытством и восхищением Бум Восьмой наблюдал, как Старшие собирались на Мыслище. Вот из голов Бесшовно-Бесшабашного, Смело-Сварного, Фотонно-Непревзойденного, Гаечно-Осторожного, Лазерно-Строптивного, Магнито-Податливого, Болт-Спотыкающегося и Болт-Тугодума высунулись контактные пластины. Вспыхнули искры. Затрещало, зашипело, запахло озоном. Пластины сомкнулись. Это означало, что соединились мозги Старших. Сейчас они мыслили, как единый мозг, и Мысль пробежала от одного к другому — по кругу, дополняясь в соответствии с индивидуальностью каждого.

Затем начинался второй круг Мысли, где ее нещадно секли и подгоняли, понукали ласками и окриками, рассматривали под различными углами зрения. Ее подымали на гребне объединенной энергии всех и опускали до оригинального взгляда одного. Мысль на Мыслище дрессировали, как лошадь, хотя здесь вместо запаха конского пота раздражающе пахло озоном. После каждого круга ее взвешивали снова и снова, прежде чем выпустить на арену в строю сестер с причесанными гривами и серебряными уздечками, в строю, который будет называться Выводом. А уж он определит поведение всех космонавтов-бумов — Старших и пока безымянных, неопытных, как Бум Восьмой, не заслуживших еще имени. Мыслище Старших решит, задержаться ли всем на этой планете для детального изучения ее или поспешить к центру новооткрытой галактики, оставив здесь несколько бумов, а то и просто отряд роботов для разведки.

На обратном пути, когда звездолет будет возвращаться к дальнему своему созвездию, можно будет на основании Местной Энциклопедии решить, отнести ли планету к Годным для освоения или Негодным.

Мыслище продолжалось в глубоком молчании, которое нарушалось лишь легким потрескиванием от общих мысленных усилий.

Безымянные бумы терпеливо ожидали. Среди них были и механики, и разведчики, добывавшие для Мыслища необходимые данные, нырявшие в реки или продиравшиеся через лесные дебри. Они напряженно перебирали в памяти все подробности своего рейда: не забыли ли сообщить чего-нибудь важного для Мыслища, какой-нибудь детали о строении грунта или поведении обитателей? Хотя им давали пока лишь самые простые задания, каждое выполнялось на пределе возможностей, и в качестве наказания достаточно было применить отстранение от работы.

Любой бум уже с первого дня своего создания подчинялся Великому Инстинкту — скорее наполнить информацией пустую память.

Сначала бумы учились в школах трех ступеней, затем учителя распределяли их на работу согласно способностям и тайным указаниям Старших. Попасть в касту космонавтов-разведчиков считалось успехом для каждого юного бума.

Мыслище окончилось. С треском разомкнулись контактные пластины, некоторые из Старших тут же уснули, да-

вая отдых мозговым блокам; иные открывали органы-батареи, подставляя их солнечным лучам, чтобы поскорее восполнить утраченную энергию. К Безымянным обратился Бесшовно-Бесшабашный. Мозг его, правда, в это время уже глубоко и безмятежно спал, включив лишь магнитную запись Вывода и органы-громкоговорители:

— Путь намечен. Мы создадим из местных материалов биороботов и оставим их на этой планете. Ша-ша-ша, именно биороботы почувствуют себя своими среди обитателей планеты. Ша-ша-ша (эти звуки говорили не о предусмотрительности Мыслища, а выдавали возраст магнитной ленты), роботы будут созданы не только из того же материала, из которого состоят животные планеты, но и с применением глупейших принципов, характерных здесь для живой природы. Энергию они будут получать не непосредственно, а извлекут ее длинным путем химических превращений из растений и животных. Один пожирает другого, чтобы получить жалкий запас энергии, который мы приобретаем за несколько секунд, просто-напросто подставляя под световые лучи свои органы-батареи. У них будут несменяемые органы (даже сквозь глубокий сон Бесшовно-Бесшабашный горько вздохнул, так жалко ему было несчастных биороботов: как-никак разумные существа), и каждая серьезная поломка повлечет гибель мозга. Благодаря этому биороботы будут постоянно сражаться со средой, быстро накапливая информацию. Поскольку принцип несменяемости распространен здесь повсеместно среди любых животных, биороботы не догадаются о своем искусственном происхождении...

Репродукторы Бесшовно-Бесшабашного еще долго рассказывали о решении Мыслища. Многие Старшие успели поспать. Затем простых бумов стали распределять в рабочие группы по созданию биороботов.

Бум Восьмой попал в группу, готовящую биомассу. Он вводил программу в Агрегат, состоящий из реактора, термостатов, центрифуг, — и в контрольном окошке мелькали символы. Бум Восьмой с предельным вниманием относился к своей работе, но нисколько не обижался, когда кто-либо из Старших придирчиво проверял биомассу или из-за его плеча следил за символами, показывающими, как распределяются в пространстве нуклеиновые кислоты, как образуют двойные спирали, характерные для наследственного вещества аборигенов. Вместе с другими безымянными он во всю прыть своих конечностей бросился к первому

биороботу, только что вышедшему из Инкубатора. Бум Восьмой так спешил, что по дороге убрал ноги и выпустил вместо них шасси с колесами. Он примчался к Инкубатору первым и резко затормозил. Навстречу ему шел биоробот. Он слегка горбился, его длинные руки висели почти до колен, глаза из-под низкого лба смотрели испуганно.

У Бума Восьмого от жалости высокого напряжения замкнулись контакты сразу между тремя блоками. «Какое слабое, какое жалкое и несовершенное разумное существо! — думал он. — Ни защитной энергетической оболочки, ни даже прочной брони... Его организм покрыт лишь пленкой, которую легко пробить прикосновением... А жить ему придется в недобром мире. Сколько же страданий выпадет на его долю, сколько страха ему придется испытать, сколько раз погибать, прежде чем он научится понимать мир, в котором живет! Старшие утверждают, что на таком пути он соберет наибольшую информацию, но какой ценой? Имеем ли мы право на эксперимент?..»

Биоробот внезапно остановился, нагнулся и вытащил из ноги занозу. Его лицо исказила гримаса. Ни один из бумов никогда не изведаль боли — ее заменяли другие сигналы, — но Буму Восьмому отчего-то стало не по себе. Сомнение в правильности решения Мыслища разогревало контактные концы его мозговых блоков.

По ноге биоробота из ранки стекали капли красивой красной жидкости, разносящей по телу кислород, железо и другие элементы, необходимые его организму. А в ранку уже проникли мельчайшие организмы, кишачие в воздухе и почве планеты: Бум Восьмой это заметил прежде, чем нога вокруг ранки стала воспаляться. «И это для него опасность, — подумал он. — Опасность, которую нельзя недооценить... Пожалуй, это здесь наибольшая опасность, самая губельная, самая... Постой! Разве только эта? А другие? Невозможно даже подсчитать, какая из них наибольшая. Но хоть на этот раз помогу ему...»

Повинуясь жалости высокого напряжения, Бум Восьмой поманил к себе биоробота.

— Да... — как эхо, повторил робот и послушно шагнул к Буму Восьмому, глядя на него так, словно увидел бога.

Бум Восьмой выдвинул из своей груди тонкий металлический отросток, накалил его и прижег ранку. Запахло па-

ленным. Робот отшатнулся, испуганно забормотал: «Да, да, да», пытаясь оттолкнуть своего спасителя.

— Не бойся, — успокаивал его Бум Восьмой, но биоробот отступал все дальше, его взгляд затравленно бегал по сторонам, дыхание стало шумным и прерывистым. Бум Восьмой отчетливо улавливал его примитивные мысли, направленные сейчас лишь на отчаянное желание скрыться. Новоявленному лекарю стало неуютно и противно, он стыдился самого себя и, когда биоробот прыгнул в заросли, не препятствовал.

«Уважение к разуму — первый закон межгалактического содружества, — вспомнил он заповедь бумов-космонавтов, с которой начинается учеба в школах первой ступени. — Но вот мы нарушили священную заповедь, создав разум в непристойном вместилище. Старшие ошиблись...»

— Именитые ошиблись! — закричал он так, чтобы услышали все бумы. — Мы должны немедленно прекратить производство таких биороботов! Это ненужная жестокость и неуважение к разуму!

Безымянные смотрели на него с ужасом. Еще никто не осмеливался выступать против решения Мыслища. Подумать только: противопоставить свой одиночный мозг, свой маленький опыт объединенному мозгу!

— Как ты можешь... Старшие никогда не ошибаются, — зашептали ему.

Но Бум Восьмой не угомонился. В ответ им упрямо возразил:

— Уважение к разуму — первый закон. Если Старшие нарушают его, их приказы не следует выполнять.

Вокруг Бума Восьмого образовалась пустота. Безымянные отступили от него, как от безумного, подлежащего немедленному демонтажу и переделке. Они образовали замкнутый круг, из которого одиночке не вырваться. И сам одиночка уже почувствовал всеобщее осуждение, но вопреки ожиданиям не смирился, а еще раз повторил свой дерзкий вызов:

— Требую уважения к разуму!

— Разум на то и дан нам, чтобы не понимать законы слишком буквально, — на прощание шепнул его бывший закадычный приятель, Бум Седьмой.

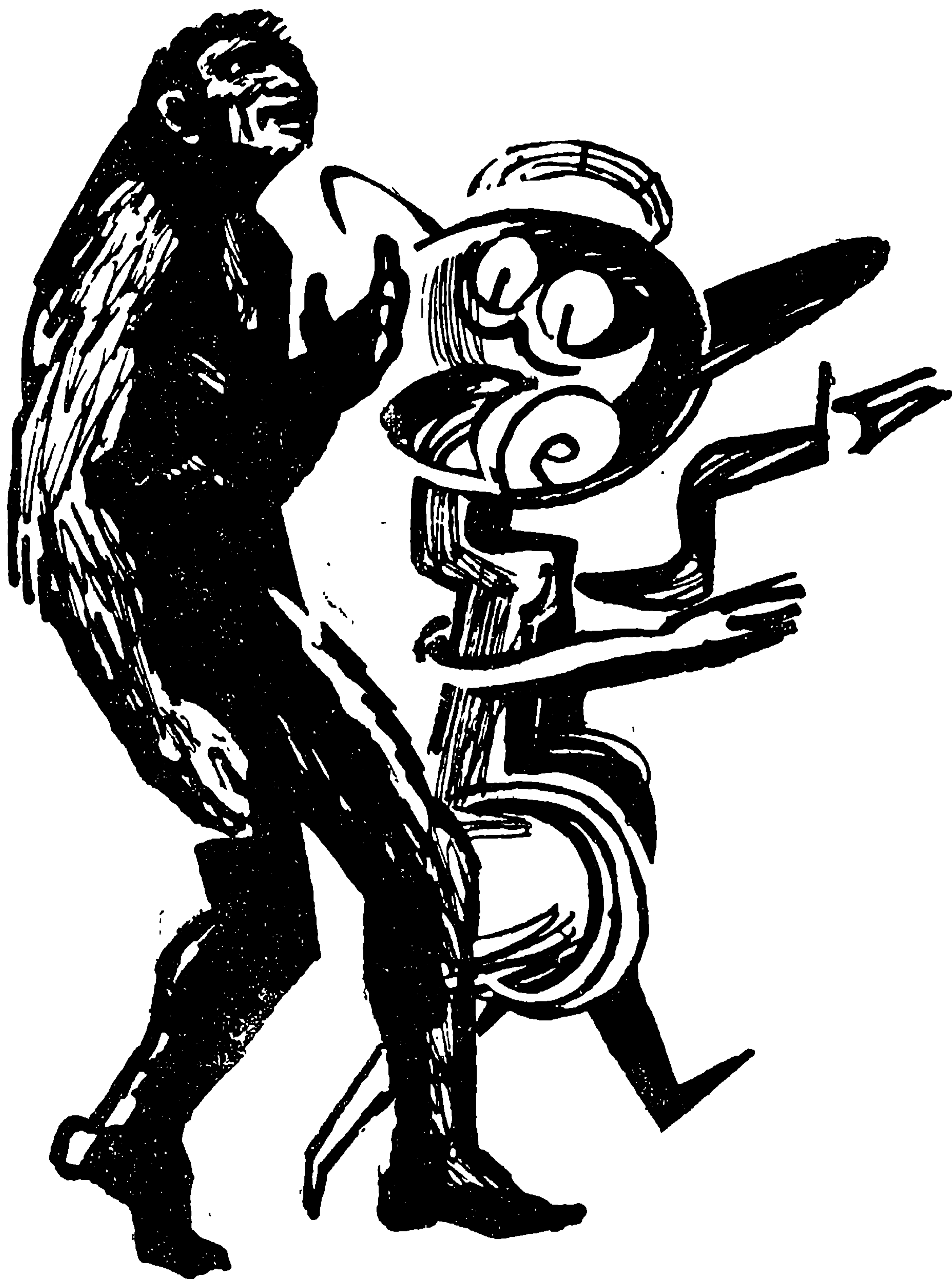
А в круг уже входил Фотонно-Непревзойденный, направляясь к одинокому мятежнику. Он подходил все ближе и

ближе, хотя мог бы издали послать парализующий сигнал. Он стал рядом с Бумом Восьмым и ласково коснулся его горячей головы своей контактной пластиной.

— Все гораздо сложнее, чем тебе кажется, малыш, — сказал он. — Хорошо, что в тебе проснулась жалость; это свидетельствует о сложности сигнальных линий. Но ты ведь и сам знаешь, что не о жалости, а об уважении к разуму говорится в наших законах. Ибо в конечном счете разумным нужна не жалость, возникающая у сильного по отношению к слабому, а любовь и уважение, объединяющие равноправных. Поэтому у нас сейчас выбора нет. Биороботы пройдут через страдания, чтобы добыть необходимую нам информацию. В ней оправдание их лишений и невзгод, их слабости и нашей жестокости, их смерти и нашего полета... Страдания этих жалких существ, о которых догадываешься ты, — лишь капля в море. Биороботов ожидают бесчисленные болезни и быстрое изнашивание организма, когда накопленные помехи и дефекты превращают остаток короткой жизни в сплошное страдание, а впереди вместо надежды лишь последняя судорога мучений. Но самое страшное для них заключается в том, что из симфонии сигналов, которую слышим мы, они узнают только несколько нот. Главной азбукой их сигнальных систем служат сигналы боли, о которых нам известно пока лишь теоретически. Но именно эта азбука выбьет чечетку на их позвонках, прежде чем мы расшифруем ее и извлечем уроки. Я согласен — это ужасно, но только такой путь ведет к постижению Смысла бытия, и нам нельзя отклоняться от него. Всякое отклонение — это просто потеря времени и сил, ведущая к большей и долгие жестокости. Пройдет еще немало времени, прежде чем твои диоды пропустят мысль в обратном направлении и ты постигнешь правоту Мыслища. Но когда-нибудь ты обязательно поймешь ее, ведь уже сегодня в тебе зреет зерно самостоятельного мышления на зависть этим безымянным олухам, твоим товарищам. А это, как известно, величайший дар во Вселенной, ведущий к новым крупцам знания. Ты заслужил имя, и отныне все будут называть тебя Диодо-Самостоятельный.

Тотчас бумы бросились поздравлять бывшего Бума Восьмого, ныне Диодо-Самостоятельного.

Пустота вокруг мятежника заполнилась любовью и уважением бумов. Каждый старался придумать поздравление подлиннее, и все они были искренними..,

Рисунки Н. ГРИШИНА

II

Прошло много тысячелетий, прежде чем они вернулись на планету. К этому времени у Диодо-Самостоятельного накопились сотни заполненных до отказа блоков мозга. Эти блоки хранились в мнемотеке звездолета, и, когда Диодо-Самостоятельный вставлял их все в специальные гнезда, имеющие прямые контакты с мозгом, его голова становилась гораздо больше туловища. Впрочем, все сразу они почти никогда не были нужны.

Звездолет облетел планету по стационарной орбите. Космонавты готовились к посадке. Диодо-Самостоятельный взял из мнемотеки тот блок, где хранились сведения о пребыва-

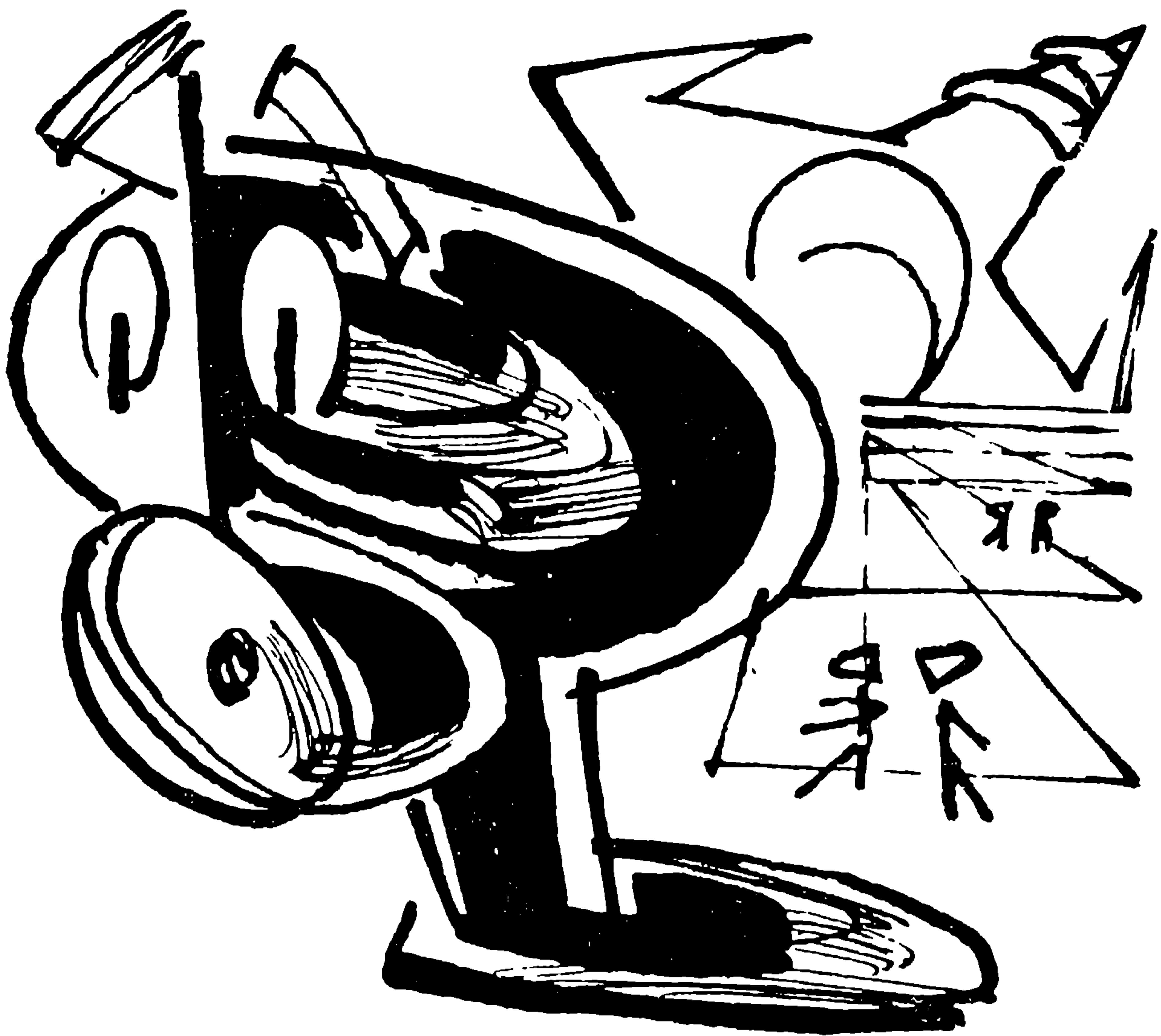
нии в этих краях. Он вставил его в свободное гнездо на своей голове, чуть-чуть прихлопнул рукой. Щелчок означал, что блок стал на место и крючки плотно зашли за выступы. Затем усилием воли космонавт включил блок, ставший теперь продолжением его памяти, и нахмурился, так как в мозг хлынули воспоминания юности, и Диодо-Самостоятельный на секунды почувствовал себя вспыльчивым и упрямым Бумом Восьмым, выступившим против Старших из-за биороботов. А вспоминать это было неприятно. Во-первых, теперь он бы никогда не позволил себе ничего подобного, никаких глупостей. А во-вторых, — и это самое главное — проклятый блок как бы возвращал его к временам, когда он был всего-навсего безымянным бумом.

Диодо-Самостоятельный настороженно оглянулся и подозрительно посмотрел на своих друзей — не заметили ли в нем перемен? Но их лица и позы были прежними — бумы подключались к приборам, прослушивающим пространство.

Каждое мгновение приносило им новые удивительные вести. Биороботы превзошли все ожидания своих создателей. Вокруг планеты вращались сотни искусственных спутников с городами-лабораториями на них, а приборы звездолета не успевали расшифровывать радиопередачи.

Наконец радист доложил, что звездолету предлагают

сесть на космодром, расположенный на искусственном спутнике. Фотонно-Непревзойденный выразительно глянул на Бесшовно-Бесшабашного, и тот понял его взгляд. Он подключил свой мозг к регулятору двигателей, задавая наилучший режим для спуска.

От вибрации у Диодо-Самостоятельного глубоко в теле зазвенели линии сигнальных систем. Это раздражало, и он усилием воли выключил большую часть органов. Включил он их, когда звездолет сел на космодроме, выпустив четыре суставчатых ноги. Бесшумно и в строгой очередности открывались люки.

От времен безымянности Диодо-Самостоятельный сохранил не очень-то много качеств, но запасной блок из памяти все же возбудил в нем прежние резвость и нетерпение. Миллионолетний бум выскочил из звездолета подобно школьнику первой ступени и... застыл, как простой железный столб, не в силах от изумления вымолвить и слова.

Космонавтов встречали не биороботы, которых они оставили на планете, а бумы. Во всяком случае, так показалось с первого взгляда. Встречающие были сделаны из металлов и пластмасс, над их головами колыхались антенны, глаза состояли из фотоэлементов. У них было рентгеновидение и инфразрение, как у бумов, на плечах и груди блестели соты светобатарей. Но как здесь оказались эти существа?

«Последнее сообщение по мегаводу с родины мы приняли всего лишь девять часов тому назад. И нам ничего не говорили о новой экспедиции», — пронеслось в мозгу Диодо-Самостоятельного. Он был так удивлен, что забыл все слова, приготовленные для торжественной встречи. У него вырвалось:

— Кто вы?

— Здравствуйте, я ваша тетьа. Сначала сами назовитесь, — слышалось в ответ не менее удивленное. — Нам сказали, что летят существа...

Диодо-Самостоятельный отметил про себя интонацию, с какой прозвучало это «существа». Но тут в разговор вмешался Фотонно-Непревзойденный:

— Какая еще тетьа? Только ее нам здесь не хватало.

— Тети нет. Просто так иногда говорят наши хозяева.

— Хозяева?.. — недоуменно протянул Диодо-Самостоятельный.

— Да, те, кто нас создал. Вон они едут сюда.

Несколько приземистых, вытянутых машин катило по широкой гладкой дороге к звездолету. Донесся нарастающий гул.

— Кто же вы? — требовательно спросил Диодо-Самостоятельный.

— Роботы.

Даже Фотонно-Непревзойденный пошатнулся от такого известия и согнул среднюю антенну, что у бумов означало крайнюю степень изумления. Еще бы — роботы, а так похожи на бумов!

Тем временем машины подъехали совсем близко. Из них вышло несколько существ. Несмотря на разноцветные одежды, бумы тотчас узнали в них биороботов, которых создали когда-то.

Один из биороботов, одетый в лиловый комбинезон, повелительно махнул рукой, приказывая бумам подойти.

Это была невиданная наглость. Естественно, Диодо-Самостоятельный и Фотонно-Непревзойденный реагировали на нее надлежащим образом — они не пошевелились.

— А где ваши хозяева и создатели? — спросил биоробот.

— Наши создатели? — повторил вконец растерявшийся Фотонно-Непревзойденный.

— Да, ведь вы роботы, — без тени сомнения сказал лиловый.

— И так похожи на наших... — задумчиво проговорил его товарищ.

Такого оскорбления бумы не могли вынести. Они круто повернулись и, забыв включить подъемник, скользя и срываясь, вскарабкались по трапу в звездолет. Они избегали смотреть друг на друга. Фотонно-Непревзойденный нажал на кнопку «взлет». Автоматы задраили люки. Звездолет вертикально поднялся и стал набирать скорость на невидимой пружине скрученного пространства-времени.

Бумы летели сквозь тьму космоса, обиженные, злые, раздраженно шевеля антеннами, словно тараканы усиками. А в голове Диодо-Самостоятельного, как обезумевшая птица, бился вопрос: «Роботы? Да как они посмели? Мы — роботы? Чушь какая, чушь невероятная, чушь, чушь, чушь!..»
